

... Я стою у терминала авиакомпании «Дельта» аэропорта Майами, куда я прилетел со слета самодельной песни под городом Мэдисоном, штат Висконсин, где я был по приглашению друзей, с которыми не виделся почти двадцать лет. После висконсинской «средней полосы» впечатление такое, как будто попал в другую страну. Идет теплый тропический ливень, вокруг пальмы, надписи на английском и испанском языках, повсюду испанская речь. Я вынимаю мобильник и набираю номер телефона русской православной церкви Св. князя Владимира. {jcomments on}

- Матушка София?

- Вы уже прилетели? Где вы?

Объясняю, где я, и описываю себя.

- Сейчас за вами приеду. Я буду в большом черном джипе.

Минут через пятнадцать-двадцать к терминалу подъезжает машина. Открываю дверь и чуть не падаю от неожиданности: за рулем могучего внедорожника сидит женщина в простой кофточке и длинной юбке с круглым русским крестьянским лицом. Протягивает мне руку:

- Матушка София.

- Дмитрий Белановский.

Через пятнадцать минут мы оказываемся у ограды церкви – единственного русского православного храма в Майами, а, может быть, и во всем штате Флорида. Я не могу отделаться от ощущения нереальности происходящего.

Моя бабушка, Зинаида Владимировна Кожевина (в замужестве Белановская), родилась в Биклянском лесничестве под Елабугой в семье надворного советника, лесничего Владимира Феопемптовича Кожевина и Веры Ильиничны Роговой, отец которой, Илья Рогов, был управляющим пермскими имениями Строгановых. Кроме Зинаиды, в семье было четыре брата: Николай, Дмитрий, Евгений и Константин. Первые два брата остались в России, а Константин в середине двадцатых годов вместе со своей женой Алиной уехал из СССР, сначала в Италию, а потом, буквально перед самым началом войны – в США.

Обосновались в Нью-Йорке. Константин устроился работать инженером в транспортную компанию, а жена работала массажисткой, ее клиентами были разные европейские и американские знаменитости. Переписка между Нью-Йорком и Москвой не прекращалась до смерти Константина и Алины в 1960-х г.г., и я до сих пор не понимаю, как такое «сошло с рук», особенно в сталинское время, когда в лагеря попадали за катушку ниток или доноительство на соседа.

Однако факт остается фактом - в нашем семейном альбоме сохранились фотографии наших эмигрантских родственников с подписями «Милан», «Неаполь», «Нью-Йорк»...

Евгений и его жена Раиса (ур. Брешко-Брешковская) жили в Киеве. Выпускник «путейского» института в Петербурге, он был специалистом по строительству дорог и мостов. В двадцатые годы его послали в командировку в Афганистан, и, когда он возвращался обратно в СССР, советская таможня ограбила его «до нитки», отобрав все, что им было куплено во время пребывания в стране. Евгений Кожевин стал лютым ненавистником Советской власти, однако высказывать свои мысли вслух было опасно. И тогда он нашел выход, который в русском языке называется «кукиш в кармане»: на демонстрации, отказ от которых был равносителен преступлению, он одевался в самую дрянную, потрепанную одежду.

Война застала Кожевиных в Киеве. Единственного сына Владимира, или Мирика (так его ласково называли родители), забрали на фронт. Евгений и Раиса остались в оккупированной столице Украины. Что им довелось пережить, мы можем только гадать. Лучше всего о жизни в оккупированном Киеве написал в своей пронзительной книге «Бабий Яр» Анатолий Кузнецов.

Мирик прошел всю войну, был ранен, а когда вернулся, от своей тетки Нины (родной сестры Раисы) узнал, что родители пропали без вести. Так и остался он жить со своей теткой, поступил в институт, закончил аспирантуру, стал преподавателем физики в Киевском университете.

После смерти Сталина Мирик получил весточку о том, что родители не погибли, а каким-то образом перебрались в США. Первое чувство радости сменилось тревогой: как жить дальше? В СССР, где сам факт пребывания на оккупированной территории, считался преступлением, иметь родителей, неизвестным образом бежавших в США, было равносильно обвинению в предательстве со всеми вытекающими отсюда последствиями. Первое время переписывались через третьих лиц, потом, когда времена стали «более вегетарьянскими», напрямую. Однако во всех анкетах Мирик продолжал писать, что родители «пропали без вести» во время войны. Если бы открылась правда, Мирика могли бы ждать большие неприятности. Почему-то в нашей семье о Евгении и Раисе говорили, что они «ушли с немцами», то есть вроде как сотрудничали с оккупантами. Но каковы были обстоятельства их бегства в Америку, не знал никто. Об этом я узнал много лет спустя.

В 1965 году в Майами скончался Евгений Владимирович, а десять лет спустя его сын Мирик умер дома от инсульта - оказалось ранение, полученное им во время войны. Раиса продолжала переписываться с Зинаидой, вплоть до самой ее смерти в 1978 году. После кончины бабушки эстафету переписки с Раисой принял я. Сегодня, спустя десятилетия, я жалею о том, насколько «мелкотравчата» была моя переписка с Раисой. Я только что кончил школу, и, как все мои сверстники, увлекался западной рок-музыкой. В то время «настоящие» западные пластинки с записями знаменитых рок-ансамблей стоили немислимые деньги (за один диск надо было выложить примерно среднюю месячную зарплату). Денег таких в семье никогда не было, и я просил тетю Раю присылать мне пластинки Deep Purple, которые были для меня «обменным фондом». И Раиса беспрекословно выполняла эти просьбы. А еще она присылала мне детективы Агаты Кристи, благодаря которым я выучил английский язык.

В 1983 году Раиса умерла, о чем я узнал из письма ее поверенного в делах. Я закончил институт, женился, в стране началась горбачевская перестройка, закончившаяся августовским путчем 1991 года. Летом 1992 года меня каким-то чудом разыскала подруга Раисы из Майами. Звали ее Клавдия Акимовна Красницкая, она приехала навестить своих родственников в Москву. Было ей, наверное, около восьмидесяти. На мой вопрос, как Евгений и Раиса оказались в Америке, она ответила: «Как оказались в Америке? Да все просто: их угнали в Германию. В сорок пятом году они оказались в зоне, занятой советскими войсками, и их поместили в фильтрационный лагерь. Понимая, чем им грозит возвращение в СССР, заключенные лагеря напоили коменданта и угнали грузовик в американскую зону. В Америке у Евгения был брат, какое-то время они жили у него в Нью-Йорке, а потом он купил им дом в Майами. Константин все ожидал, что брат будет работать, но Евгений так и не устроился на работу, и братья перестали ладить друг с другом». Узнав, что Раиса присылала мне детективы, Клавдия сказала мне, что тетя неоднократно посылала в Москву Евангелие, но его конфисковывали на советской таможне.

Итак, Евгений и Раиса были классическими «дипи» - displaced persons, или «перемещенными лицами», - разделившими судьбу сотен тысяч своих соотечественников, оказавшихся после войны в других странах, чтобы избежать возвращения в сталинский «рай». При встрече Клавдия Акимовна передала мне небольшой конверт с фотографиями Раисы и Евгения, на котором значилась фамилия отправителя – Георгий Тяжелов. Моя фамилия и адрес были написаны еще по старой орфографии. «Это душеприказчик Раисы, у него хранятся все ее документы, которые Раиса завещала ему перед смертью», - сказала Клавдия. В тот момент я не обратил особого внимания на эти слова.

Спустя несколько лет, уже с появлением Интернета, мне удалось разыскать телефон Георгия Тяжелова, и я ему позвонил. Трубку снял человек со старческим голосом, говоривший по-русски с сильным акцентом, хотя и правильно. Представившись, я объяснил цель своего звонка. «Да, - сказал Георгий, - у меня действительно есть фотографии Раисы, какие-то письма. Есть ли дневник? Она вела дневник, но в завещании повелела уничтожить его после смерти». Тогда я спросил, можно ли как-то эти документы переправить в Москву. Я предложил отправить их моим родственникам в Нью-Йорк, чтобы те потом выслали их мне в Москву. Эта идея, однако, его мало воодушевила. «Знаете, - сказал он, - бумаги Раисы хранятся у меня в подвале, и вообще нас тут затапливало, не знаю, что с ними. У меня нет сил, чтобы даже поднять их наверх».

Повесив трубку, я понял, что на этих документах можно поставить крест.

С тех пор прошло пятнадцать лет. Время от времени я вспоминал о Георгии Тяжелове, но, чем больше проходило лет, тем меньше оставалось надежды, что архив Раисы уцелел. Наверное, он умер, - думал я, - а бумаги выбросила жена-мексиканка, для которой эти бумаги не представляют никакой ценности.

Летом 2010 года я решил навестить свою двоюродную сестру в Нью-Йорке. Получив американскую визу, я купил билеты на первое сентября и стал готовиться к отъезду. Незадолго до отлета я поделился этой историей со своим давним другом,

профессиональным архивистом Алексеем Литвиным, который имел опыт переправки архивов русских эмигрантов из Сан-Франциско в Москву. «Знаешь, - сказал он, - все это очень интересно, но с чего ты решил, что эти документы пропали? Раз там жили русские эмигранты, значит, наверняка, есть и православная церковь. Интернет есть? Ищи телефон и звони! Если будут проблемы, я свяжу тебя с одним православным священником из Нью-Джерси, он поможет». Я поблагодарил своего друга за совет, но в душе отнесся к этой идее скептически.

И вот настал день отъезда. В последний момент, когда я уже подъезжал к аэропорту «Шереметьево», мне вдруг позвонили из авиакомпании «Дельта» и сказали, что мой рейс отменяется, и я полечу на следующий день. Огорченный, с тяжелыми чемоданами, я вернулся домой. Дособирав кое-какие вещи, которые я впопыхах забыл положить в багаж, я неожиданно вспомнил о совете своего друга. А действительно, чем я рискую, - подумал я. Покопавшись в Интернете, я довольно быстро установил, что в Майами действительно есть православная церковь – храм Св. князя Владимира. На сайте церкви был указан телефон. Я набрал номер, и, спустя несколько минут, в трубке раздался женский голос:

- Hallo?

- Это храм Св. Владимира? - спросил я.

- Да, - ответили мне по-русски, - слушаю вас.

(April)

Я представился, сказав, что являюсь родственником покойной Раисы Кожевиной. Моя собеседница назвалась матушкой Софией.

- А я вашу родственницу знала и очень хорошо помню, - сказала матушка. - Раиса Васильевна была очень доброй и отзывчивой женщиной, набожной прихожанкой, ходила в наш храм до самой смерти, пока были силы. Знаете, наш храм маленький, но очень намоленный. Он был построен в 1947 году русскими эмигрантами.

Я поинтересовался, не знает ли она человека по фамилии Георгий Тяжелов.

- Как не знать. Он умер две недели тому назад, и после его смерти мы получили бумаги Раисы. Там акварельные рисунки, фотографии.

Я чуть не выронил трубку.

- А сколько их там? – пробормотал я.

- Да немного. Я могу вам их выслать, только вы докажете, что действительно являетесь родственником.

Я ответил, что утром вылетаю в Нью-Йорк и привезу ей все необходимые доказательства.

- Хорошо, - сказала матушка София, - позвоните мне, когда будете в Америке.

И вот я в Нью-Йорке. Радость встречи с сестрой, которую не видел тринадцать лет, обмен новостями. Рассказываю ей про эту историю. «Знаешь, - сказала Татьяна, - я

думаю, тебе надо туда лететь. Сам Бог велел. Да и когда еще у тебя представится такая возможность? Заодно посмотришь Майами, это такая экзотика!».

Слова сестры еще больше утвердили меня в решимости лететь в Майами. И я позвонил матушке Софии.

- Вы уже в Америке? Скажите адрес, я вам все вышлю.

- Знаете, матушка, я понял, что должен к вам приехать. Только вот где мне остановиться?

- Ну, на одну ночь вы можете остановиться у нас, на большее батюшка не велит, а потом вы можете снять номер в каком-нибудь дешевом мотеле.

- Хорошо, - сказал я, - я еще позвоню.

Составив план своих поездок по Америке, я заказал билеты в Майами.

...«Лендровер» въезжает во дворик церкви. Мы входим в храм, навстречу нам выходит высокий статный батюшка, протягивает руку для поцелуя.

- Отец Даниил, - представляет его матушка.

- Добро пожаловать. Что ж, идите в столовую, я сейчас приду.

Мы проходим в небольшую, скромно обставленную комнату. Диван, обеденный стол, небольшой книжный шкаф, на стенах иконы и образа, фотографии царских детей. К книжной полке кнопками приколот лист бумаги со стихотворением, набранным по старой орфографии:

Не забывают о России

Умчится время непогод,

Судьба нас к ней опять, родные,

Из чуждой дали приведет.

Тогда рассеянных по свету,

Пришедших к Родине детей,

Страна потребует к ответу:

Что вы в душе несете к ней?

Храните ль веру вы в святыне?

Заветы дедов и отцов,

Не позабыли ль на чужбине

Вы славы русской вечный зов?

И вы должны, неся ей знания,

И речь ее, храня в пути,

Из дней далекого изгнания

К России русскими придти.

Князь Касаткин-Ростовский

Мы сели за стол, матушка приготовила незатейливый обед, поставила чай, и мы начали беседу. Я вынул из сумки фотографии Раисы, сохранившиеся в нашем семейном альбоме, ее письма ко мне.

- Вы уж извините, что я к вам с таким недоверием отнеслась, - стала оправдываться она.
- Но, знаете, мы только что получили эти документы, - с этими словами она протянула небольшую пластиковую папку, - и тут звоните вы. Я подумала, что это какой-то розыгрыш, такого не может быть. Георгий очень тяжело болел последнее время, а мы и не знали, что у него там лежит, он никому ничего не говорил. После смерти Георгия приехал его племянник из Нью-Джерси, он все это обнаружил и принес к нам. Мы не знали, что с этим делать, и собирались выкинуть, но батюшка сказал: «подожди, не выбрасывай». Да и Лене, моей дочке, понравились акварели, она хотела что-то себе оставить. И тут вы звоните. Невероятно. Наверное, Раиса так хотела, чтобы все это осталось у вас.

- Да, - согласился я, - очевидно, такова была воля Божья.

Я открыл папку – оттуда высыпались несколько акварельных пейзажей с видами Тироля, маленькие черно-белые фотографии Раисы и Евгения. Если это все, подумал я, то сейчас попьем чаю, и я пойду осматривать Майами. Но на всякий случай спросил:

- А еще что-нибудь есть?

- Да, - ответила матушка. - Пойдемте, я вам покажу.

Мы прошли в трапезную. Просторное вытянутое помещение, несколько рядов обеденных столов, у противоположной стены - пианино. Повсюду фотографии царской семьи. В углу иконостас, справа репродукция портрета Николая II работы Серова. Рядом – масляная картина храма Св. Владимира.

- Это Евгений писал, незадолго до смерти подарил нашему храму. Здесь вы будете спать, - она показала на диван. - Вот коробки, смотрите. Что к вам не относится –

откладываете в другую стопку.

В углу стояло несколько картонных ящиков. Я открыл один из них и обомлел: он до отказа был набит фотографиями, документами и письмами Кожевиных. Я понял, что от экскурсии по Майами мне сегодня придется отказаться.

Очевидно, я был первым человеком, кто разбирал бумаги Раисы после ее смерти. Сваленный в коробки, этот архив представлял собой месиво фотографий, писем, личных документов, акварелей, открыток и бумажных иконок. Среди них я нашел многочисленные фотографии Раисы и Евгения, Константина и Алины, множество детских фотографий Мирика, моих петербургских родственников, а также снимки разных знаменитостей с автографами - клиентов Алины, профессиональной массажистки. В какой-то момент из пакета вывалились фотографии меня самого, моего брата и родителей, сделанные в самом начале 1960-х годов. Трудно было сдерживать эмоции при виде этих фотографий, которые мама посылала Константину Кожевину. Примерно половину этого архива составляли акварельные рисунки, сделанные Евгением Кожевиным в тирольском городе Куфштайн – именно там находился лагерь для перемещенных лиц. В этом лагере Евгений и Раиса Кожевины пробыли до 1949 года, пока благодаря стараниям и хлопотам его старшего брата Константина, им не удалось выехать в Америку. Даже на пароходе Евгений не переставал рисовать – в бумагах сохранился блокнот с карандашными рисунками путешествия по Атлантике.

...Уже позже, в Москве, разбирая бумаги Кожевиных, я обнаружил переписку Евгения с Адрианом Рымаренко - протопресвитером Ново-Дивеевского монастыря, который тот основал в США. До войны Адриан Рымаренко жил в Киеве, неоднократно арестовывался НКВД, но чудом остался жив. В период оккупации Киева немцы открыли церкви, и о. Адриан был назначен духовником Покровского монастыря в Киеве. В конце 1943 года, когда Красная армия уже была на подступах к Киеву, о. Адриан, понимая, какими могут быть последствия, вместе со своей паствой ушел в Германию, а после войны оказался в США. Судя по переписке, майамские Кожевины были знакомы с о. Адрианом еще по Киеву, и можно предположить, что они были среди тех людей, которые ушли вместе с ним в Германию. Если так, то версия моей бабушки косвенным образом получила подтверждение.

...Я лег в два часа ночи, с ужасом думая, как я буду вывозить все эти бумаги в Москву.

На следующее утро мы с матушкой поехали в гипермаркет «Уолмарт» и там купили небольшой чемодан. Из магазина направились на кладбище Flagler Memorial Park. Могилу Кожевиных нашли не сразу – пришлось идти в контору кладбища. Наконец нашли, поехали в магазин и купили цветы. Хозяин цветочной лавочки, кубинец, ни слова не понимал по-английски, но матушка, зная немного по-испански, все же смогла объяснить, что нам нужно.

Мы вернулись в храм, где я оставил свои покупки. Перекусив, мы сели в лендровер, и матушка повезла меня на экскурсию по живописному району Флориды – маленькому городку Корел-гейблз. Если бы меня спросили, каким я представляю рай, то я, наверное, бы ответил, что он похож на Корел-гейблз. Богатые виллы, стоимость которых составляет несколько миллионов долларов, окруженные пальмами и экзотическими растениями, названия которых я даже не знаю. Дороги в Корел-гейблз похожи на арочные галереи, потолок которых являет собой естественное переплетение деревьев, не пропускающих солнечного света.

Разумеется, основное население этого городка – состоятельные американцы.

- Кубинцы здесь не живут, - объяснила матушка, - им это не по карману. Да они и английского-то толком не знают.

- Откуда здесь столько кубинцев? – поинтересовался я.

- Это беженцы с Кубы, у нас тут их было целых три волны. Сначала бежали состоятельные кубинцы, интеллигенция. А потом Фидель Кастро специально, чтобы навредить нам, выпустил из Кубы уголовников, и у нас резко повысилась преступность. Кубинцы здесь держат магазины, занимаются торговлей. Но мы с батюшкой у них ничего не покупаем, предпочитаем ездить в американские супермаркеты типа «Уолмарт», там можно купить все, что нужно и по вполне приемлемым ценам.

И вот мы опять в церкви. Примерно часов в шесть вечера отец Даниил отслуживает панихиду по Раисе и Евгению и другим членам моей семьи. На панихиду пришла еще пара русских жителей, у которой недавно умер кто-то из родителей. В душе – чувство умиротворения от того, что я помянул души Кожевиных, и именно в той церкви, ревностными прихожанами которой они были. А также мистическое ощущение того, что их желание вернуться в Россию – хотя бы семейным архивом – сбылось. Что их бумаги не пропали, а оказались в руках того, кому они были предназначены.

По окончании службы мы проходим в маленькую комнатку матушки Софии. Я прошу ее рассказать о себе и о тех людях, с которыми ей довелось познакомиться в Майами. Выясняется, что матушка, при кажущейся простоте внешности и поведения, потомок русских аристократов, эмигрировавших из России после большевистской революции. Дед матушки Софии, Николай Михайлович Устинов, был представителем известного дворянского рода Устиновых, многие из которых были потомственными дипломатами. Они владели имениями в восьми российских губерниях, имели дома в Петербурге, Москве, Саратове. После 1917 года Николай Устинов вместе со своей женой М.В.Шаховской и маленьким сыном, были вынуждены эмигрировать во Францию, где у них родились дети – Алексей (отец Софии) и Николай. В эмиграции Николай Михайлович пытался организовать какое-то производство, но ему это не удалось. Николай Михайлович так и не адаптировался к жизни во Франции, считая ее для себя

абсолютно чуждой. В 1959 году он переехал в США и жил в семье своего сына Алексея Николаевича. Сам Алексей Николаевич (1921-1926), окончил Кадетский корпус императора Николая II в Версале, стал инженером, женился на француженке Денизе Симоне Амрейн. Сама матушка София родилась в 1953 году, ее детство «прошло на коленях» у бабушки Николая Михайловича. От него же она выучилась русскому языку, до приезда Николая Михайловича она говорила только по-французски.

В России у Устиновых чудом сохранилось фамильное поместье Грабовка в Пензенской губернии. После революции оно было, разумеется, национализировано большевиками, но сохранилось до наших дней. Потомки Устиновых смогли увидеть свою родовую усадьбу только в 2007 году...

Я вынимаю диктофон, и мы приступаем к беседе. В моем распоряжении около полутора часов – семья Маккензи рано ложится спать, а мне завтра рано утром ехать в аэропорт Майами, откуда я вылетаю обратно в Нью-Йорк.

- Я приехала в Майами из Нью-Йорка со своей семьей в 1972 году, - начала матушка свой рассказ. - Мне тогда было 17 лет, и я была очень рада, что мы переезжаем во Флориду. Мой папа очень переживал, что отрывает меня от русского общества, в котором было много молодых людей. Но я была рада нашему переезду. Я всегда мечтала когда-нибудь съездить во Флориду, в отпуск, и оказалось, что я осталась там навсегда. Когда мы приехали во Флориду, мой отец повел меня в православную церковь в Майами. Это был маленький храм, но он мне сразу понравился – в нем я сразу почувствовала себя дома. И мы стали с отцом посещать этот храм по воскресеньям и даже по субботам вечером. Мы очень быстро познакомились со всеми прихожанами, - большинство из них к тому времени были уже старики. Они все друг друга поддерживали, вместе собирались на молитву. По воскресеньям они часто оставались на чай, иногда он устраивали обеды, вспоминали старую Россию, о том, как они бежали, кто в какой был эмиграции.

Этот храм строился двумя волнами эмиграции. Первая эмиграция принесла с собой очень много образованных людей, но мало рабочих. Возможно, они и были, но у нас Майами в основном были инженеры, архитекторы, в общем, образованные люди. После Второй мировой войны здесь оказались выходцы из сталинской России, но все-таки они

были очень похожи на первых эмигрантов, в том смысле, что они очень сильно переживали за Россию, очень ее любили и жили «на чемоданах», так же, как и первые эмигранты, мечтавая когда-нибудь вернуться обратно домой. Но они не были настолько религиозны, как эмигранты первой волны, и вначале им было трудно усвоить духовность первых эмигрантов, которую те принесли с собой. Постепенно они стали приобщаться к церкви и находили в этом огромное утешение.

Я знаю, что между представителями первой и второй волн эмиграции были довольно сложные отношения. Здесь это как-то проявлялось?

Именно об этом я и хотела сказать. Действительно, между представителями этих двух эмиграций возникали проблемы в отношениях, но, так как это христианское общество, то они преодолели эту...

Вражду?

Нет. Ее нельзя даже было назвать враждой.

Это было взаимное непонимание?

Может быть. Трудно сказать точно, я думаю, что, поскольку это были разные поколения, они отличались разным мышлением и не успели друг друга «раскусить». Но, когда эти первые этапы взаимного непонимания прошли, они открыли друг другу свое сердце и вместе построили этот храм. И это уже свидетельствовало о том, что между ними была дружба, в противном случае они бы не смогли это сделать вместе. Так и строился храм, этими двумя волнами. И когда я приехала сюда, мне было даже трудно определить, кто из какой эмиграции, потому что все они для меня были одинаково похожими. Среди них не было озлобленных, недружелюбных людей, все они как-то успокоились после войны, после всего того, что им довелось пережить. Здесь, в Майами им было легче прийти в

себя – тут теплый климат, так что все они устроились более или менее хорошо и были рады иметь свой храм и жить своей маленькой общиной. Здесь я познакомилась и со своим будущим супругом отцом Даниилом (до перехода в православную веру Кеннет Маккензи - Д.Б.). Он американец, первый раз пришел к нам в храм на вечернюю службу. А на клиросе стояли лилипуты, Маня и Василий Филины. Они к тому времени были уже очень старыми, им, наверное, было уже лет под восемьдесят. Меня очень трогало, как Маня становилась на цыпочки, чтобы читать из Часослова. Эти лилипуты были последними. Но вначале, когда храм создавался, этих эмигрантов было довольно много. И среди них была Раиса, милейшая женщина, тоже очень пожилая. Подробностей ее жизни мы не знали. Овдовев, она продолжала дружить одинаково со всеми прихожанами, но самым близким ее другом был Георгий Тяжелов. Под конец жизни она передала ему все свои архивы - и свои семейные фотографии и фотографии лилипутов, которые она сберегла после их смерти.

Сам Георгий был родом из России, он родился в Петрограде в 1917 году. Его отец работал в Военном министерстве, кажется, занимался закупкой оборудования. У него было много контактов по всему миру. Когда родился маленький Георгий, в том же году отец решил, что нужно бежать из Петрограда вместе с семьей, и предложил другим чиновникам уйти со своих постов, чтобы незаметно уехать из страны, потому что он уже чувствовал, что в России начнут происходить страшные вещи. Но никто на это не согласился. Он вывез свою семью в Нью-Йорк и спас их таким образом от смерти, потому что, когда началась революция все другие чиновники были убиты.

В Нью-Йорке с ним связался Колчак, который к тому моменту собирал в Сибири войско. Отец Тяжелова принял его предложение и поехал с семьей во Владивосток, к этому времени у него в Нью-Йорке родился еще один сын. Там он присоединился к Колчаку и вскоре погиб. Семья осталась без отца, перебралась каким-то образом в Севастополь, оттуда Врангель уже готовился к эвакуации. Они присоединились к нему и оказались в Англии. Там, благодаря Красному Кресту, который помогал эмигрантам находить друг друга, они узнали, что их бабушка в Тунисе. Они отправились в Тунис, чтобы ее проведать. Они не собирались туда надолго, но оказалось, что задержались там на 20 лет. Георгий Тяжелов научился говорить по-французски, стал инженером и в

конце-концов переехал в Америку, где тоже очень рано начал посещать этот храм. Когда мы приехали сюда, он уже тут жил, но он не был еще пожилым человеком. Ему тогда было, может быть, еще лет сорок или пятьдесят. Он был одним из последних. Но он тоже очень любил этих лилипутов, Раису, потихонечку всех хоронил, последний сам был похоронен пару недель тому назад.

Первое время службы проходили в палатке, потом, когда был построен настоящий храм, на этом месте, вместе с эмигрантами этот путь прошел будущий епископ Осталий (Савва) Раевский, он есть на этих фотографиях, в очках. До него, кажется, был отец Федор, а потом стал владыкой Савва, Савва Австралийский. Этот батюшка потом передал служение нескольким священникам, сначала были два священника, а после них - отец Евгений Селецкий, он прослужил здесь 20 лет, хорошо знал многих наших прихожан и хоронил их...

Нашу беседу прерывает стук в дверь: «Можно отца Даниила?» «А вы по какому вопросу?», - спрашивает матушка. - «Человеку плохо, нам срочно нужен священник». Матушка открыла дверь. Сначала я подумал, что речь идет об умирающем, которому необходимо исповедаться. Оказалось, однако, что родственники или друзья привели наркомана, очевидно, посчитав, что только православный священник может спасти его от наркотической зависимости. Матушка пошла за отцом Даниилом, который, несмотря на поздний час, вышел к посетителям. Минут через пятнадцать матушка вернулась, и мы продолжили нашу беседу.

- Был здесь и еще очень интересный господин Алексей Дельден, примерно того же поколения, что и Георгий, из второй эмиграции. Он тоже был родом из Петербурга, но

его предки проживали в России еще со времен Петра Великого, они были датчане. Петр Великий набирал за границей мастеров для судостроения, здесь у них были мастерские. Сам Дельден обрусел, жил в Петербурге. Во время войны он попал в плен, был угнан в Германию, и в плену встретил свою будущую жену.

В общем, уже было известно, что русских будут выдавать советским властям. И он спасся тем, что услышал, что у одного американского генерала сломаны часы, и тот ищет мастера. Это были старинные семейные часы, и генерал ими очень дорожил. Так вот, у Дельдена были золотые руки, причем у него не было никаких инструментов. Но он взялся за это дело и сумел без инструментов починить их. Когда генерал получил обратно свои часы, он этого мастера поблагодарил и спросил его: «Чем тебе помочь?» Алексей сказал: «Вы ищите повара для американской кухни. Я готов у вас работать поваром». Генерал спросил у него: «А ты гамбургеры умеешь готовить?» Тот сказал: «Да!» Он имел в виду, конечно, русские отлеты. И он сразу приготовил очень много котлет и тем завоевал свое место, потому что котлеты были гораздо вкуснее, чем гамбургеры. Его оставили поваром, и он каждый день приходил в американский лагерь и там готовил, а когда возвращался к русским, то приносил им лишнюю еду. Когда стало приближаться время выдачи русских, этот генерал ему сказал: «Знаешь, они скоро придут за вами. Я устрою так, чтобы ты мог с нами уехать» И он это сделал и таким образом спас его жизнь. Так вот этот Дельден в нашем приходе был много-много лет, всю жизнь он в Америке занимался только одним – работал маляром. Жена его была осторожна – детей не заводила. Она готовила обеды, приглашала гостей, таких же прихожан, они собирались у них в доме обедать. А потом все потихонечку начали умирать, и она всегда жалела и вспоминала те времена.

Во втором ряду слева направо: Евгений Кожевин, о. Евгений Селицкий, Раиса Кожевина, в первом ряду Мария Филина, Василий Филин, Пелагея и Иван Великановы. 1950-е г.г.

Вы единственный человек, кто общался с Раисой?

Нет, я не единственная, батюшка ее помнит лучше, чем я. Я же ее помню как очень милую даму, нежную и приветливую. Георгий часто вспоминал Раису, и мы всегда поминали ее на панихидах. У нас получается такое общество умерших и живых, всех вместе взятых.

Расскажите про лилипутов

Еще до 1914 года в России искали этих лилипутов, их было трудно найти, но все-таки находили. Находились очень красивых карликов. В них не было ничего несформированного, все они красивые, нормальные, только очень маленькие. Мария и ее брат Василий были из крестьянской семьи, жили в деревне. Однажды к ним подошел человек и предложил ей и ее родителям (ей было примерно 14 лет), чтобы она и ее брат стали выступать в театрах, что он собирает труппу карликов, и обещает блестящую жизнь за границей. Это не был цирк, это была самая настоящая театральная компания, которая ставила пьесы Чехова и другие пьесы. Родители не хотели их отпускать, но Мария сказала матери: «знаешь мама, что я буду здесь делать? Что со мной будет? А этот человек предлагает нам что-то очень интересное. И я хочу этим заниматься». И родители тогда согласились и отпустили их вместе. И получилась большая труппа, может, человек 20 человек таких лилипутов, но все-таки довольно много, и они все вместе выступали, стали знаменитыми за границей. До революции они даже выступали перед Чан-Кайши. После революции родные им стали писать, чтобы они ни в коем случае не возвращались в Россию и остались за границей. Так они и остались за границей. Я не уверена, но мне кажется, что они довольно долго были в Китае. Потому что сюда они приехали к началу строительства этого храма, уже после Второй мировой войны. В Китае русские хорошо устраивались, они там обустроивали свою собственную русскую жизнь. В Америке они помогли создать небольшой городок Свитуотер во Флориде. И одна из лилипуток вышла замуж за мэра города, она была, видно, не такая маленькая, как другие. Но детей у них не было. И этот город признает их вклад, и даже парк был создан в их честь. Они будут рады, если им передадут эти документы, они их просили у нас. А у нас не было возможности их получить от Георгия...

Был у нас еще такой Дмитрий Шеругин, он прошел первую эмиграцию и попал на Кубу, ему вообще приходилось бежать несколько раз. Некоторые из наших прихожан бежали сначала от коммунистов в Китай, а потом уже из Китая от коммунистов ... Так вот, он попал на Кубу тогда, когда там еще было хорошо. Однако в какой-то момент он понял, что с русскими может произойти то же самое, что в свое время с ними произошло в России. Русские успели бежать с Кубы, потому что уже почувствовали один и тот же дух - этот революционный, красный коммунистический террор.

Они хорошо понимали, что это такое...

И бежали снова и очутились здесь. Дмитрий Шеругин много рассказывал о Кубе, о том, какое это было прекрасное место. Другая эмигрантка, Вера Николаевна (фамилию не помню), приехала сюда из Чили. Она была очень старой женщиной, вела хор наш. У нее был прекрасный голос, совсем как у молодой женщины. И до конца жизни она вела этот хор. В детстве она пела в Киевском соборе. Еще была Вера Александровна, которая всю жизнь служила няней в очень богатых дворянских семьях. Когда произошла революция, она со своими хозяевами выехала из России. И вот Нью-Йорке она однажды встретила Шаляпина. Они узнали друг друга, и он ее стал расспрашивать об общих знакомых. И Вера Александровна сказала ему, что все они погибли. Шаляпин был настолько потрясен этой потерей, что прямо на улице встал на колени и спел «со святыми упокой» и «вечная память». Она уже была очень старенькой, как Маня, как другие лилипуты. А Раиса была немножко моложе. Она была из второй эмиграции. К тому времени, когда мы приехали, здесь все переплелись судьбами, к сожалению, был некоторый разрыв между поколениями. У Раисы сын остался в России, у других дети погибли. Некоторые эмигранты не смогли привести своих детей в церковь, потому что дети попадали под влияние американского общества, хотели стать американцами... Помню, была одна старушка Дарья, она носила всякие смешные шляпы, детские шапочки, кепочки. Но она была очень верующей, как и другие. Она нам рассказывала, что еще в России, когда ее дети были совсем маленькими, к ним пришли большевики и стали спрашивать: «Кто из вас верит в Бога?» И каждый из них ответил, что верит в Бога. И на глазах матери их всех троих застрелили. Отец Даниил всегда поражался этим рассказом. Была она такая

скромная, что целую неделю чистила уборную для батюшки, самую грязную работу была готова сделать для церкви. А Вера Александровна ходила в магазин, где продавались американские донатсы и выпрашивала для храма лишние донатсы, которые они не успели продать. Они ей выдавали их в воскресенье утром рано, она привозила сюда и угощала всех. Беда была, что многие жили слишком далеко от храма, и им становилось все труднее и труднее добираться до храма. Вера Николаевна еле-еле ходила со своей палочкой. Сесть на автобус и приехать сюда было для них целое дело. Вы можете себе представить, Вера Николаевна жила в North Miami Beach, туда идут два автобуса, да еще в воскресенье утром, а автобус почти что не ходил, никакого не было транспорта. И им так было трудно, что мы с батюшкой с помощью моего отца купили довольно большую машину, уже подержанную, это был стейшн-вейгон, который мог поместить восемь человек. Мы жили уже в

North

Palm

Beach

, добираться туда нужно было полтора часа. Но по пути мы останавливались и забирали русских, которые хотели ехать в храм. Все они были уже слишком стары, чтобы проделать этот путь. Так что мы забирали их всех по дороге и отвозили в церковь, нам это было так отратно и приятно, вы даже не можете себе представить. Это люди, которые пережили жизненный путь, такой тяжелый, и находили, конечно, так много утешения в том, чтобы приехать в церковь.

Церковь была единственным местом, которое объединяло людей?

О, да! А потом появилась третья волна.

В семидесятые годы?

Нет, в семидесятых годах были главным образом евреи. Только их выпускали. Потом сюда начали приезжать люди, которые могли доказать свое родство с евреями. Они получали визу и оставались здесь. Потом американцы почему-то начали вообще пускать русских. Вот это начало было, и уже третья волна, в течение последних десяти лет. И, как и до этого, старые эмигранты не были готовы принять новых эмигрантов.

Разные поколения?

Дело в том, что в Америке не было работы. Первые и вторые эмигранты приходили сюда, в храм, ранним утром, прямо к радуге. Здесь можно было работу найти. А вот эта третья волна – это была беда. Потому для них не было работы. И надо было, чтобы наши старые эмигранты помогли им. Но в этот раз все было гораздо сложнее, нужно было иметь разрешение на работу. Они жили у нас, это были беженцы, некоторые из них прыгали с корабля, чтобы как-то сюда добраться.

Вы имеете в виду третью волну – еще в советское время?

Да. Вначале это были люди, которые бежали из СССР. Или приезжали с визой, которую они собирались просрочить и уже не возвращаться.

Конец семидесятых – начало восьмидесятых годов?

Нет, это уже началось при Горбачеве, в 1989 году. Помню, как к нам приехали трое беженцев из Кировского балета, двое мужчин и одна женщина, они жили у нас в гараже, на койках, пока мы их как-то не устроили. У нас в гараже в общей сложности прожило, наверное, человек пятьдесят. И каждый раз надо было и работу им найти, и одежду дать, и накормить. Эти люди были самые большие авантюристы, просто бессовестные, знаете, такие, которые, видно было, продали бабушкин дом, и, наверное, бабушка у них сидит где-то на улице. А потом стали приезжать русские, но уже с деньгами. И тогда наши старые эмигранты увидели, что действительно есть такие, кто имеет деньги, может заплатить за панихиду, за крещение... Возможно, это были люди, у которых были какие-то проблемы с совестью, они хотели ее очистить, все предлагали «Мы вам купим все, что нужно». И тогда все примирились. Слава Богу. И мы никого не спрашивали их, кто они и откуда. Потому что они непременно рассказали бы неправду. Зачем людей на грех наводить? Ну а теперь уже нормальные у нас прихожане. Люди, которые перебрались сюда уже с надеждой помочь своим родным, с тем, чтобы заработать здесь деньги и посылать в Россию. И попадаются среди них люди очень ревностные, они стремятся помочь церкви, живут по-христиански, стараются не обманывать, делать все то, чему учит церковь. Понемножку, видимо, что-то меняется. Когда они, прикоснувшись к храму, слушают проповеди, они начинают меняться к лучшему. Есть некоторые из них, кто попал сюда обманом, но теперь они учатся, как жить по правде. Очень многие из них сюда пришли потому, что у них умер кто-то из близких. Первый шаг в храм – это обычно когда мама умерла, мама далеко, и начинает им открываться этот загробный мир. И только здесь, в храме, они могут почувствовать какую-то близость к этим умершим. И только здесь облегчение чувствуют своей скорби.

Это вы очень точно сказали...

Ну, это они так, первые шаги делают. Многие сюда пришли, чтобы отработать часы, потому что имели какие-то проблемы с законом. Скажем, те, кто в пьяном виде сидел за рулем. В Америке тех, кто совершил не очень тяжелое преступление, отправляют на волонтерские работы. И они приходили сюда работать. А мы были рады всегда, потому что нам всегда нужна была физическая работа - траву покосить или что-то покрасить. Часто бывали такие, кто не намеревался придти помолиться Богу, они только просили у нас одно: пожалуйста, дайте нам отработать эти пятьдесят часов или иногда сто, иногда двадцать, и батюшка им давал – вот вам грабли, собирайте листья. И эти люди потом приходили опять, на Пасхе уже можно видеть и тех людей, которые отработывали часы, и тех, у кого мама умерла. Я теперь уже всех их узнаю.

И какой у вас приход? Сколько человек?

У нас бывает по воскресеньям сорок человек, на Пасху приходит пятьсот. Но из этих сорока человек двадцать – всегда новые лица. Около двадцати приходят раз в месяц, есть такие, кто приходят раз в шесть месяцев, а есть группа, - около 15 человек – они приходят каждое воскресенье. Они довольно долго к этому готовились, потому что в детстве не имели привычки ходить в церковь. Нам-то, беженцам, эти привычки привили с детства, а им трудно. Трудно подняться в воскресенье утром, сообразить, что это обязательно нужно сделать. И мы ждем... Очень интересно смотреть, как люди потихонечку начинают приходиться. Бог посылает их своими путями.

Я должна извиниться перед вами, что я к вам не очень приветливо отнеслась, когда вы сперва позвонили. Ну что это, наверное, какие-то шпионы узнали, что Георгий умер и что-то ищут!

Ну что вы, вы не должны извиняться, это настолько невероятно, знаете, как говорят у нас России, я вам как снег на голову свалился.

Вы знаете, за два дня до этого я подала ее имя на панихиде, это исключительно я сделала. Батюшка не обращал никакого внимания, он просто прочел ее имя в ряду с другими, но я сделала это потому, что увидела ее фотографии. И вдруг – вы звоните.

Здесь вообще сказочный мир. В течение двадцати лет, что я здесь живу, я следую за инстинктами. Помню, одна очень стеснительная девочка, уже женщина, пришла крестить ребенка. Она ничего не знала, все спрашивала: объясните, как это будет, что мне нужно принести, все это обычно спрашивают. Но она особенно была застенчивой, часто повторяла, что ничего не знает, что делать. И так получилось, что она окрестила ребенка именем святого, который именно в этот день праздновался. Она мне и говорит: «назовите ребенка Натальей», а именно в этот день был день святой Наталии. И такое случалось не раз. Вроде мелочи, но если взять все вместе, начинаешь хорошо понимать, что здесь происходит что-то особое, независимое от меня или от батюшки, потому что здесь - храм. Но этот храм лучше, чем другие храмы, в которых я была. Все они прекрасны, все они одинаково благодатные, и русский храм прекрасный в Токио, но этот храм – намоленный. Вот в чем дело. Иногда люди входят в храм, и их просто дух охватывает особый. Потому что наш храм был намолен эмигрантами, которые годами здесь молились за Россию. За всех тех, кого они потеряли. За всех погибших. Мы ведь каждую родительскую субботу

прочитываем все старые поминальники.

Между этим храмом и каким-нибудь храмом в России, который долгое время был амбаром или клубом, большая разница. В эти храмы очень трудно вернуть тот же дух. Когда-то их стены были расписаны, теперь эту роспись с трудом можно восстановить, это не так легко, а здесь с самого начала чистенько было. Все храмы хорошие, все они благодатные, но этот особый.

Я выключаю диктофон и благодарю матушку за рассказ и гостеприимство. Перед тем как лечь спать, отец Даниил показывает мне видеофильм о русской эмиграции, основавшей Русскую Православную Церковь за Рубежом.

Рано утром батюшка отвез меня в аэропорт Майами. Мы обнялись на прощанье, и я вылетел обратно в Нью-Йорк, где мне предстояло пробыть еще целую неделю. Наконец 24 сентября, хотя и не без некоторых приключений, я вылетел в Москву. Больше всего меня беспокоила сохранность чемодана с архивом Раисы, но мои волнения оказались напрасны. Бумаги благополучно прибыли в Москву, и в этом – несомненная заслуга Всевышнего.